

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

23 октября 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданки М.В.Алехиной к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка М.В.Алехина оспаривает конституционность части второй статьи 213 УК Российской Федерации, которая предусматривает ответственность за хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему

обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

Как следует из представленных материалов, приговором Хамовнического районного суда города Москвы от 17 августа 2012 года М.В.Алехина осуждена к наказанию в виде двух лет лишения свободы за совершение в составе группы лиц по предварительному сговору по мотивам религиозной ненависти и вражды и по мотивам ненависти в отношении социальной группы хулиганства, т.е. преступления, предусмотренного частью второй статьи 213 УК Российской Федерации. Основываясь на совокупности исследованных доказательств, суд в приговоре указал, что инкриминированное М.В.Алехиной и двум другим осужденным деяние выразилось в организации и совершении в общественном месте – в православном храме – действий, грубо нарушающих общественный порядок и продиктованных желанием виновных противопоставить себя лицам, посещающим храм из религиозных чувств, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним, а именно в выкрикивании бранных фраз и слов, оскорбляющих чувства присутствующих, осуществлении иных, подчеркнута вульгарных и нарочито провокационных действий (имитация танцев и нанесение ударов по воображаемым противникам), недопустимых и неприемлемых с учетом специального предназначения данного общественного места для религиозных обрядов и церемоний, чем были нарушены общепризнанные правила поведения. Доводы кассационных жалоб осужденных и их адвокатов, в том числе об отсутствии в деянии состава преступления, проверены судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда, которая кассационным определением от 10 октября 2012 года признала квалификацию содеянного правильной и оставила приговор в отношении М.В.Алехиной без изменения.

Заявительница утверждает, что часть вторая статьи 213 УК Российской Федерации не соответствует статьям 14, 15, 19, 54 (часть 2) и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку несоразмерно

ограничивает свободу выражения мнений, позволяет признавать нарушением общественного порядка нарушение религиозных норм и устанавливать преступный характер деяний на основе их восприятия большинством населения в качестве неприемлемых.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы в пределах своих полномочий, касающихся решения исключительно вопросов права и не предполагающих оценку фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (части третья и четвертая статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

2.1. Конституция Российской Федерации, устанавливая, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и признавая идеологическое многообразие в качестве одной из основ конституционного строя, гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними, свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 2; статья 13, часть 1; статья 28; статья 29, части 1 и 4); наряду с иными правами и свободами, включая право на объединение и свободу деятельности общественных объединений (статья 30, часть 1), они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18) (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 1053-О).

По смыслу приведенных конституционных положений в их интерпретации Конституционным Судом Российской Федерации, вопросы,

касающиеся религиозного самоопределения человека, роли и значения религии в личной и общественной жизни, равно как конкретные, формируемые в рамках тех или иных религиозных течений подходы и оценочные суждения в отношении актуальных проблем социального, нравственно-этического и иного плана признаются составной частью конституционного правопорядка, на основе которого обеспечивается свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 28 Конституции Российской Федерации). При этом Конституция Российской Федерации, не устанавливая для свободы слова и свободы распространения информации какие-либо идеологические или мировоззренческие, в частности религиозные, критерии или ограничения и не предполагая навязывание большинством своих убеждений и предпочтений меньшинству, исключает введение запрета на публичные дискуссии по религиозной тематике, включая свободное выражение мнений, в том числе критических, по поводу характера и содержания деятельности религиозных организаций, притом что участники подобных дискуссий должны принимать во внимание деликатный характер обсуждаемых вопросов, которые могут непосредственно затрагивать религиозное достоинство других лиц, исповедующих ту или иную религию, в связи с чем во всяком случае оскорбляющая общественную нравственность форма подачи информации, касающейся религиозной сферы, недопустима применительно к религиозным убеждениям как большинства членов общества, так и тех его членов, которые придерживаются иных религиозных предпочтений или не исповедуют никакую религию. Соответственно, в тех случаях, когда конкретный способ распространения информации, в том числе исходя из обстоятельств места и времени ее распространения, основан на демонстративном грубом пренебрежении принятыми в обществе представлениями о приемлемом

поведении в конкретных, включая связанные с религией, местах, лишен какой-либо эстетической и художественной ценности и сам по себе является оскорбительным, подобная деятельность выходит за границы гарантированного Конституцией Российской Федерации правомерного пользования свободой выражения мнений.

Конституция Российской Федерации, учитывая, что Российская Федерация как демократическое правовое государство обязана обеспечивать признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, единство статуса личности на всей ее территории, а также защиту других конституционных ценностей, таких как суверенитет и государственная целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, единство экономического пространства (статья 1, часть 1; статья 2; статья 3, часть 1; статья 4; статья 5, части 1 и 3; статья 8, часть 1; статья 11, часть 3; статья 15, части 1 и 2), и исходя из того, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), предусматривает возможность ограничения прав и свобод в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Названные конституционные требования соотносятся со стандартами, закрепленными в международно-правовых актах, которые, провозглашая право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, право беспрепятственно придерживаться своих убеждений и право на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, одновременно устанавливают, что осуществление этих прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, предусмотренными законом

и необходимыми в демократическом обществе, в частности, в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, прав других лиц (статьи 18, 19 и пункт 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 9 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Кроме того, непосредственно из закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя вытекает необходимость принятия адекватных мер, направленных на ее защиту, а также обязанность государства по установлению правовых механизмов, в максимальной степени способствующих обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов граждан (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2009 года № 137-О-О).

Соответственно, если гражданин, осуществляя свои конституционные права и свободы (в том числе свободу мысли и слова, свободу творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними), при этом нарушает права и свободы других лиц и такое нарушение (независимо от того, направлено оно против конкретных лиц или против общественного порядка в целом) носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к публично-правовой (в том числе уголовной) ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов.

2.2. Рассматривая вопросы уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным. Использование мер уголовной ответственности оправдано необходимостью достижения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Вместе с тем уголовно-правовые институты охраны личности, общества и государства от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений должны основываться на конституционных принципах справедливости и соразмерности уголовной ответственности защищаемым уголовным законом ценностям при безусловном соблюдении конституционных гарантий личности в этой области публично-правовых отношений (преамбула и статья 18; статья 19, части 1 и 2; статья 49, часть 1; статья 50, часть 1; статья 54 и статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). При реализации федеральным законодателем полномочий по определению содержания уголовного закона, установлению преступности тех или иных общественно опасных деяний и их наказуемости следует учитывать степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П и от 27 июня 2005 года № 7-П).

Данные требования применимы и к направленной на уголовно-правовую охрану общественного порядка – что соответствует целям, закрепленным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, – статье 213 УК Российской Федерации, в части первой которой установлена уголовная ответственность за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а в части второй – за то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо связанное с

сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

2.3. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П и др.). Тем самым в уголовно-правовых отношениях обеспечивается реализация принципов справедливости (преамбула Конституции Российской Федерации, статья 6 УК Российской Федерации) и равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации, статья 4 УК Российской Федерации).

Согласно статье 3 УК Российской Федерации преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом (часть первая), а применение уголовного закона по аналогии запрещается (часть вторая). Эти требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, однако, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 года № 441-О, от 15 апреля 2008 года № 260-О-О, от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 25 ноября 2010 года № 1561-О-О, от 21 апреля 2011 года № 572-О-О, от 5 марта 2013 года № 323-О и др.).

Во взаимосвязи с изложенными позициями Конституционного Суда Российской Федерации и с учетом фактических обстоятельств конкретного дела подлежит применению и статья 213 УК Российской Федерации об

уголовной ответственности за хулиганство, признаки которого – «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», «религиозная ненависть или вражда» и пр. – устанавливаются с учетом исторического и культурного наследия народов России, складывающихся на современном этапе развития общества общепризнанных правил поведения (при этом что согласно пункту 2 статьи 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» государство уважает и внутренние установления религиозных организаций, если эти установления не противоречат законодательству Российской Федерации), оценки существенности нарушения таких правил, а также формы использования гражданином его прав и свобод.

Кроме того, при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, на суды возлагается обязанность учесть способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства, оценить и указать в приговоре, в чем именно выразилось грубое нарушение общественного порядка, какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу, которое связывается в правоприменительной практике с умышленным нарушением общепризнанных норм и правил поведения, продиктованным желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. При квалификации действий виновного как хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, следует учитывать требования, предусмотренные частью второй статьи 35 УК Российской Федерации, а также то, что предварительная договоренность должна быть достигнута не только о совершении совместных хулиганских действий, но и о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо о совершении таких действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы любым из соучастников. Действия других участников, не связанных предварительным сговором и не применявших оружие или предметы, используемые в качестве оружия, а также не совершавших преступные действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, не образуют состава хулиганства (пункты 1 и 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»).

Таким образом, оспариваемая норма уголовного закона не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данной нормы правоприменительными органами, и не может рассматриваться как нарушающая права заявительницы в ее конкретном деле.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2521-О